

Апостол Петр говорил евреям: “Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века”. Церковь трактует сказанное однозначно: обращение всех иудеев ко Христу должно предварить второе пришествие Спасителя и торжество праведных.

В 1939 году Исай Трифионович Кобылин перестал быть евреем, и еврейский народ, в котором он был последним, на нем пресекался. Две тысячи лет жестоковыйные, как называл их Господь, соплеменники Кобылина не желали покаяться и обратиться в истинную веру, две тысячи лет, потакая нечестивым, они мешали второму пришествию Спасителя, которого молили и ждали все верующие, и теперь, когда земная жизнь евреев окончена, уже скоро. Скоро явится Он во славе Своей.

Историю гибели евреев я узнал от самого Кобылина в Томске в 1965 году, но начну я семью годами ранее и с другого. В 1958 году я поступил на первый

курс историко-филологического факультета Куйбышевского (теперь город опять называется Самара) университета. Той же осенью я познакомился с человеком, который пытался понять Бога. Звали его Сергей Николаевич Ильин. Всю зиму и весну мы встречались каждый вечер и вместе гуляли в маленьком парке около улицы Свободы. Он проповедовал мне свое учение и, когда увидел, что я понял его, ушел из моей жизни. Ильин был старше меня на семь лет и ко времени нашего знакомства работал экскурсоводом в доме-музее Радищева.

Сам я крещеный. В трехмесячном возрасте я с молчаливого согласия родителей, однако по внешности тайне от них, был крещен нянькой в церкви ее родного села Троицкое, стоящего прямо на берегу Волги в десяти километрах южнее Куйбышева. Скоро няньку рассчитали: она оказалась больна какой-то неприятной кожной болезнью, кажется, псориазом, и мое религиозное воспитание на этом прервалось.

Ильин был полурусский-полуеврей. Крещеной еврейкой была его мать, происходившая из старого раввинского рода; среди своих не менее известны были и предки отца Ильина — купцы-старообрядцы, одни из основателей знаменитых поселений на Иргизе. В Ильине соединился народ, которому некогда было дано обетование и был послан Сын Человеческий, но который не принял Его, не пошел за Ним, и народ, которому ничего не было даровано и обещано, но который уверовал в Христа и будет спасен. Две крови соединились в нем плохо, и лицо Ильина было асимметрично. О себе он говорил, что в Средние века такая внешность неминуемо привела бы его на костер как явного, отмеченного печатью

дьявола суккуба или инкуба. Сейчас, вспоминая Ильина, я с удивлением понимаю, что во время наших прогулок всегда шел слева от него, и хорошо помню только его левую, еврейскую сторону — черную и печальную.

Речь и самый ход мысли Ильина был странным образом ритмизован. Как в музее, ведя экскурсию, он вычленил из жизни Радищева ключевые, ударные слова, дела, вещи, а пространство между ними почти бежал, лишь шагами обозначая общую канву событий, так и с Христом; пытаюсь уяснить, что пришло с Ним в мир, что было Им возведено и евреям и другим народам, он, закладывая свой храм понимания Бога, сознательно не дробил его на приделы, а только положил в основание и под углы начальные камни веры, возвел каркас, но ни стен, ни кровли ставить не стал, сохранив всё, как в пустыне, — сквозным и открытым.

Ноябрьская аллея с голыми и оттого тяжелыми столпообразными деревьями, наше с Ильиным движение по ней всегда больше напоминало мне прохождение маршрута, а не прогулку: у нас была и тема, и цель, и смысл, и другой, куда более быстрый темп. Подбирая нужный камень, находя ему место, ставя его, Ильин ступал совсем медленно, почти нарочито затягивая шаг, но потом, закончив эту часть работы, он легко, словно рисуя линию, наверстывал время — равномерно посаженные деревья хорошо подчеркивали, как неровно он шел. Но сам он не замечал этого и никак не принимал во внимание, для него деревья были лишь масштабом, позволяющим представить и общий объем, и соразмерность постройки.

Он говорил мне: “Сережа, надейтесь на Бога, любите Его, помните о Нем, не таитесь, рассказывайте Ему обо всем, не стыдитесь ни радости, ни горя, верьте, просите, молитесь. Он доступен, Он обращен к вам. Он поймет и поможет”. Молитвы доходят до Бога, говорил Ильин, они действенны, они важны, и для Него тоже, это связь между Ним и нами, связь, которая соединяет нас в одно, то, что делает нас Его, Божьими, созданиями, без чего и мы были бы для Него никто и Он для нас никем, и не знали бы мы о Нем ничего, и не верили бы в Него.

В Библии, говорил Ильин, Бог творит и почивает от всех дел, сострадает и скорбит, печалится и раскаивается, Он ходит, видит, говорит, смотрит, слушает, запоминает, обоняет, Он любит и ревнует, радуется и гневается, казнит и прощает, у Него есть глаза и уши, есть крепкие руки, в которых Он держит скипетр и разящий врагов меч. Все эти человеческие вещи сказаны в Торе о Боге не потому, что в языке не было других слов, а сами люди тогда были в младенчестве и иначе бы ничего не поняли, — нет, Бог действительно такой, и Он действительно чувствует всё это: и наши гнев и радость, сожаление и печаль; то, как мы относимся к правде и лжи, тоже созданы по образу и подобию Его гнева и радости, скорби и любви.

Ильин говорил: никто не знает и не может знать всего Господа, но часть Его, которая обращена к нам, — человеческая, мы можем и должны понимать ее. Господь хочет, чтобы мы понимали Его, Он хочет от нас не только веры, добрых дел, покаяния, исполнения закона. Ему нужно, чтобы мы, люди, Его понимали, были хоть и детьми, но разумными.

Если бы это было не так, Он бы не смог ничему нас научить, ничего нам объяснить, и мы друг для друга были бы совсем чужие.

Христос, говорил Ильин, не только истинный Бог и Сын Божий, Он Богочеловек, и в Нем, в Христе, две Его природы — Божественная и человеческая — нераздельны и неслиянны, они, эти две природы, потому и смогли соединиться, что свои, родные, созданы по образу и подобию и подходят друг другу так, что в Христе неотделимы. Христос-Богочеловек — еще и метафора отношений между Богом и людьми, то, какими эти отношения будут, когда люди раскаются и станут на праведный путь; тогда нам будет даровано не только Таинство Евхаристии, не только несколько раз в год мы будем приобщаться святых Тайн, крови и плоти Христа, но навсегда и все соединимся во Христе, и в Нем и с Ним соединимся с Господом.

Ильин говорил: Господь не мог творить зло, и до человека в мире зла вообще не было. Знание о зле было, а самого зла не было. Мир был как буквы, которые обретены во благо, но которыми можно написать и злое. Господь создал человека, и ему первому была дана возможность и свобода творить и добро и зло. Господь верил, что человек, зная, что такое зло, и зная, что он может творить его, сам свободно выберет добро, будет творить добро и, значит, рожденный Господом мир — добр.

Рай — это время детства человека. Играя, он дает имена зверям и рыбам, птицам и деревьям — всему, чем Господь населил Свой мир и что будет жить с человеком в этом мире. В раю человек познает добро и зло, познает слишком рано, еще ребенком, по-

знает тогда, когда душа его еще не была воспитана. Первое зло, которое сделает человек, — нарушит запрет Господа, потом бежит и скрывается от Него, — это зло несмышленого ребенка, но дальше, появившись в мире, зло начинает порождать зло, оно множится и растет, и человек, душа которого была плохо научена отличать добро от зла, в неведение только помогает ему. Мы боремся со злом и думаем, что, если оно против нас и мы с ним боремся, мы — добро, но это не так. Тот, другой, тоже считает, что он добро и, борясь с нами, он борется со злом; в этой борьбе сходятся два зла и рождается новое зло. Мы не понимаем или забываем, что добро — это нечто совсем другое, что добро — тогда, когда кто и откуда на него ни смотрит, всегда видит добро.

Зло, говорил Ильин, есть удаление от Господа, зло есть стена между Им и нами: ни поверх, ни сквозь нее мы не видим Господа и остаемся одни в мире, где Бога нет, где есть только мы, и тогда, замороженные тем, что одни, впервые одни, что над нами никого нет, замороженные правом творить, мы творим и творим зло. Стена между нами и Господом всё выше и выше, вера слабеет, вокруг нас только зло, мы тонем и захлебываемся в нем, но и тогда Он услышит и спасет, если среди нас найдется хоть один, кто раскается и обратится к Нему.

Ильин говорил: многие утверждают, что евреи в Ветхом Завете не такие, каким должен быть народ Божий. Они убивают невинных, отрекаются и изменяют Господу, и не понятно, в чем их избранность; те же люди говорят, что Песнь Песней и Экклезиаст — не боговдохновенные книги, и вообще

неясно, как и почему они попали в канон. Они не понимают, что книги Ветхого Завета — это книги диалога между Богом и людьми, самого главного диалога из всех, которые когда-либо вел или будет вести человек, то, что есть в них: и предательства, и измены, и отречения — всё это было. Это путь, пройденный человеком, это история его возвращения к Богу, и нет ничего важнее ее, ничего важнее любой ее части, которая есть часть пути познания Господа, и что бы ни было: плохое ли, хорошее, каждый шаг этого пути должен быть сохранен до последней капли и передан точно и полно, невзирая на лица.

Ильин говорил: время жизни Христа, Сына Божьего, на земле и для Бога, и для человека, и для всего, что было и есть между Богом и человеком, — время беспрецедентное. Всё прежнее пребывание Бога на земле, известное нам, включая и семь дней творения, не составляет и тысячной доли тех тридцати трех лет, которые Христос прожил в миру. Чтобы быть ближе к человеку, Сын Божий принял даже и его течение времени. Опыт, который вынесли и Бог, и человек из тридцати трех лет ближайшего общения не только тех, кто за Ним пошел, но, главное, Бога и Человека внутри Самого Христа — с этого началось и, познав человека так, в едином теле, как бы внутри Самого Себя, когда и разделить нельзя, нельзя отойти и посмотреть со стороны, что заняло почти тридцать лет, лишь затем Христос идет проповедовать избранному народу, — этот опыт — основание всей последующей двухтысячелетней истории. Без него мы ничего не поймем ни в событиях Нового Завета, ни в том, что было дальше.

Ильин говорил: во все времена с момента появления на земле евреев, основанием всего, что связывало их с Богом, была вера, ежедневные молитвы и жертвоприношения; было и другое: то, что Он избрал их, и то, что судьба и история их больше, чем других племен, оказалась близка Ему; в начале, у истоков народа, Господь Сам спускался на землю и говорил и наставлял первых из евреев, потом это было уже реже. Когда евреи умножились, с Богом их по-прежнему продолжали соединять молитвы и жертвы, но еще Он дал Моисею для народа Закон, и сами они построили как бы жилище Ему — Храм. Когда народ грешил и забывал о Боге, а это случалось часто, Господь посылал ему пророков, которые наставляли его в вере и праведности, и, как поводырь слепцов, выводили на истинный путь. Так продолжалось больше тысячи лет и казалось, что только недостаток веры — причина всех бед, но к рубежу эр, в то время, когда Рим уже овладел всем Средиземноморьем и Иудеей тоже, многое изменилось. Никогда еще в стране не было столь мало идолопоклонников, и никогда еще в храме не совершались так правильно богослужения, сотни и сотни образованнейших левитов продолжали разработку законов, данных Моисею, и единственное, что двигало ими, — боязнь совершить грех перед Господом. Они, эти толкователи и учителя Закона, были самыми уважаемыми среди народа, потому что главное, к чему стремились евреи, было — не согрешить. Большинство из живших тогда в Земле Обетованной готово было пойти на изгнание и смерть, но не дать осквернить Храма. И через считанные десятилетия, во время Иудейских войн, и сиккарии, и зилоты, и фарисеи, и мно-

гие из саддукеев пойдут и погибнут, и потеряют свою землю, верные Богу. И останутся верными Богу через две тысячи лет гонений и казней; и те, кто останутся верными, — те и евреи, а остальные — нет, остальные разойдутся, рассеются и растворятся среди других народов, и не останется от них ни в памяти, ни так ни следа.

Ильин говорил: и всё же евреи, хотя и преданы они были Богу, виновны перед Ним; и в Его, Бога, Земле, Земле Обетованной, с каждым годом множилось зло, она полнилась им и полнилась, и ни Он, Господь, ни вера не были злу пределом. Все это Господь видел и знал, видел Он, что народ Его Ему предан, и не мне, конечно, судить, насколько были преданы евреи Богу, но больше преданы, чем когда бы то ни было, — и преданы больше, и к тому, что ждало их, готовы. Господь и это знал. Но мир Его был больше Земли Обетованной, и не одни евреи в нем жили.

Тут снова о евреях. Народ этот тогда расселился, рассеялся и был рассеян по многим землям, сошелся и перемешался со многими другими народами, и от них, от евреев, остальные народы узнали о Всевышнем. Узнали о Том, Кому когда-то, во времена Ноя, поклонялись и сами, но Кого давно уже и сумели и успели забыть, и жили с тех пор несмышлеными и не ведающими греха детьми. Благо и зло. Снова узнав о Боге, они узнали и то, что они Ему теперь как бы чужие, и еще — что они не дети и давным-давно не дети, и так сразу и много на них стало греха, и так они стали никому не нужны и одиноки, что уже и не спастись им никогда. Евреи не захотели и не помогли им, и в этом их вина. И получилось, что как дошла

до народов весть о Господе, оказались они от Него еще дальше и всё равно им уже было, сколько зла. Но и они тоже были дети Его, хоть и блудные, и грешные, но дети, только отошли они от Него, и обратно не сделали еще ни шага и не хотели сделать, потому что думали, что чужие Ему и не примет Он их. Да и путь к Нему так труден, что и начинать не стоит. И тогда Господь пошел к ним Сам, пошел, как и узнали они про Него, через Свой народ.

Ильин говорил: Господь решил прожить жизнь простого человека, прожить вдали от Храма, в Галилее, где язычников было больше всего и слабее вера, прожить полную жизнь с детством, молодостью и зрелостью, прожить праведно и честно, как должно исполняя Закон. И когда жизнь эта будет окончена, Он будет знать, что делать дальше. Тут, кстати, надо сказать, что Закон ни здесь, ни потом нигде и ни в какой своей части Сыном Божиим сомнению не подвергается. Он говорит: “Итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте” (Матф., 23). “Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится всё. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном...” (Матф., 5). И что, пожалуй, и для нас, и для понимания всей судьбы евреев главное: какова же была верность их Завету, если, несмотря на тысячи чудес, явленных Христом, — истинность Его как мессии они мерили лишь преданностью Христа Закону.

Ильин говорил: был ли Христос настоящим человеком? Думаю всё же, что нет, хоть и был Он зачат земной женщиной, выношен ею и рожден, но зачатие Его было непорочно, оно и не могло быть другим, и на Христе не было первородного греха, того груза, который несли, несем и будем нести все мы до скончания века. Все-таки Господь, приняв образ Христа, соединившись в Нем с человеческой природой, оказался настолько близко к человеку, как никогда не был, и опыт Его: опыт жизни на земле, в миру, и опыт сосуществования в одном теле с человеческой, смертной природой, для Него бесконечно ущербной, — всё это было важнейшим в человеческой истории после ухода Авраама из Ура Халдейского.

Ильин говорил: Христос отличен от человека. Он чист, безгрешен, и в Нем есть чувство правоты, знание, что Он вправе, знание, что и тот, и этот мир Его, что Он только сошел сюда, вниз, на землю, и может уйти, и уйдет, поднимется из него. И еще: мир создан Им и может быть изменен, перестроен, исправлен по Его воле, словом, Он, Христос, его хозяин, и как ни старается Господь отойти от своего всеведения и всевластия, привыкнуть и принять то, как смотрит на мир человек, Ему это удастся только в самые последние часы и минуты жизни, перед тем, как Его поведут на Голгофу, на крест, и на кресте.

Ильин говорил: соединясь с человеком во Христе, Господь хочет вспомнить и вновь возобновить в Себе знание, что Его соединение с человеческим родом возможно, что оно органично, необходимо и будет. Как я уже говорил, это прообраз того, что нас ждет. Ожидания Господа оправдываются: Сын

Бога и девы Марии рожден на земле, но Его рождение еще раньше, чем Он, младенец, начнет ходить, странным образом перестает быть тайной и меняет мир. Меняется и становится другим всё: и устройство жизни, и соразмерность и отношения ее частей, и само здание, меняется даже то, что считалось в мире праведностью и грехом; да, праведность всегда праведность, а грех всегда грех, и все-таки в пространстве между ними нечто было нарушено, сдвинулось, исказилось. Многие сбились и заблудились тогда, их спутала путеводная звезда, которая вела волхвов к Христу, они потеряли дорогу, и то, к чему стремились эти люди, люди, знавшие испокон веку свой путь, знавшие, что силы их невелики, — всё это разом рухнуло и уже не могло быть правильным на земле, во всяком случае, пока на ней жил и по ней ходил Иисус Христос. Я не хочу так говорить, но получается, что, когда появился на земле Христос, там, где Он жил, в Израиле, остался как бы один — революционный и мгновенный по своей сути — путь праведности, тот путь, которым шли Сын Божий и Его ученики.

Ильин говорил: живущие под звездами волхвы и пастухи первыми заметили нарушение естественного строя жизни, оно было сильным: Господь спустился в мир, данный человеку в опричнину, в мир, где человек должен был управляться сам, и его пространство оказалось тесным для Бога. Это нарушение естественного хода вещей, это столь массивное пришествие Бога на землю (напомним, что ни до, ни после ничего подобного не было) неизбежно меняет судьбу избранного Им народа — избивание Вифлеемских младенцев было началом ее.